

Правила безопасности: написаны кровью

Михаил Щербаков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Щербаков

**Правила безопасности:
написаны кровью**

«Автор»

2026

Щербаков М.

Правила безопасности: написаны кровью / М. Щербаков —
«Автор», 2026

Иногда самое страшное — это не монстр в шкафу, а тишина в соседней комнате, странный взгляд прохожего, совпадение, которое не может быть совпадением. В этом сборнике ужас рождается из мелочей: из повторяющихся снов, из писем, которых никто не отправлял, из вещей, которые перемещаются сами по себе. Герои пытаются найти рациональное объяснение, но мир вокруг становится всё более враждебным и чуждым. Это истории о том, как легко потерять контроль над собственной жизнью и как трудно отличить паранойю от настоящей угрозы.

© Щербаков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тени в коридоре.	5
Пятёрка в подъезде.	7
Видеокассета без номера	9
Панелька на краю света.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Михаил Щербаков

Правила безопасности: написаны кровью

Тени в коридоре.

Артём привык к тому, что жизнь бьёт по рёбрам без предупреждения. Тридцать лет — а кажется, будто всё время приходится догонять: работу, деньги, спокойствие. Он снимал однокомнатную квартиру в старом панельном доме на окраине — дёшево, но стены будто хранили чужие тяжёлые вздохи. В последнее время эти вздохи стали казаться ему почти слышными. Всё началось с мелочи: по ночам в коридоре что-то шуршало. Сначала Артём думал — мыши. Потом — сквозняк гуляет по разохшимся половицам. Но однажды ночью он проснулся от чёткого звука: будто кто-то медленно провёл ладонью по стене. Прямо за изголовьем кровати. Он сел, включил лампу. Тишина. Только часы на кухне мерно отсчитывали секунды, словно торопились куда-то. Артём встал, прошёлся по квартире. Никого. На полу — тонкий слой пыли, и на нём нет чужих следов. Только его собственные, аккуратные, будто он сам себя боялся спугнуть. На следующий день он рассказал об этом коллеге на подработке — тот хмыкнул и выдал привычную житейскую мудрость: «Нервы, брат. Ты слишком много на себя берёшь. Да ещё и спишь по четыре часа». Артём хотел возразить, но слова застряли в горле. Потому что коллега был прав — он действительно слишком много брал на себя. Деньги утекали сквозь пальцы, долги копились, а каждый день казался бесконечной попыткой удержаться на плаву. Но ночью звук вернулся. На этот раз он был ближе. И к нему прибавился ещё один — тихий, едва уловимый шёпот. Слов не разобрать, но интонация была знакомой. Будто кто-то повторял его собственные мысли, только чуть раньше, чем он успевал их подумать. Артём начал замечать странности и днём. Вещи оказывались не на своих местах: чашка — в духовке, ключи — на подоконнике, хотя он точно помнил, что клал их в карман. Однажды он нашёл на столе записку, написанную его же почерком, но слов таких он никогда не писал: «Не смотри назад. Они уже здесь». Паника подкрадывалась медленно, как тень в углу комнаты. Он стал бояться собственной квартиры. Перестал выключать свет, даже когда выходил в коридор. Начал разговаривать сам с собой, чтобы заглушить тишину. Однажды вечером, когда за окном уже стемнело, Артём услышал, как в прихожей щёлкнул замок. Он замер. Он точно знал, что дверь заперта на два оборота, а ключ лежит у него в кармане. И всё же замок щёлкнул — чётко, уверенно, будто кто-то вошёл. Он медленно поднялся с дивана и пошёл к двери. В коридоре было темно, но из-под двери пробивалась тонкая полоска света. Артём протянул руку к выключателю и вдруг понял, что свет уже горит. Он сам его включил пять минут назад. Дверь была закрыта. Замок — на месте. Никаких следов взлома. Но на полу, у порога, лежала старая фотография. Чёрно-белая, потрёпанная по краям. На ней был он — Артём, только моложе, лет двадцати. И рядом — женщина, чьего лица не было видно: оно было аккуратно вырезано ножницами. Сердце заколотилось где-то в горле. Он поднял фото, перевернул. На обороте было выведено тем же почерком, что и на записке: «Ты не один. Они помнят». В этот момент в комнате погас свет. Артём замер, вцепившись пальцами в фотографию. В темноте коридор казался длиннее, чем обычно. И в самом его конце, там, где висело зеркало, мелькнуло движение. Не тень — нечто более плотное, более живое. Он сделал шаг назад, нащупывая в кармане телефон. Экран засветился, выхватив из темноты угол комнаты, край ковра, ножку стула и отражение в зеркале. В зеркале стоял не он. Фигура была смутно похожа на Артёма, но черты лица расплывались, как будто их размыло дождём. Она смотрела прямо на него — и в этом взгляде не было ничего человеческого. Только холодная, расчётливая пустота. Телефон выскользнул из пальцев и глухо ударился об пол. Экран погас. И тогда шёпот раздался прямо у него над ухом:— Ты думал, что

можешь убежать от себя? Артём закричал. А когда открыл глаза, было утро. Солнце било в окно, будильник надрывался на тумбочке, а на полу рядом с кроватью лежала та самая фотография. Только теперь на ней не было никакого Артёма. Только пустая скамейка в парке и вырезанный силуэт женщины. Он долго сидел, обхватив колени руками, и смотрел на фото. Потом медленно поднялся, собрал вещи и вышел из квартиры, не оглядываясь. На лестничной клетке он столкнулся с соседкой — старушкой, которая жила этажом выше.— А, это ты, — сказала она, прищурившись. — А я всё думала, когда ты наконец съедешь. Квартира-то проклятая. Трое до тебя жили — и все пропали. А один так вообще сам себя не узнавал в зеркале. Артём ничего не ответил. Он просто кивнул и пошёл вниз по лестнице, стараясь не слушать, как за его спиной тихо щёлкает замок.

После того как американка отсудила у McDonalds огромную сумму за ожог горячим кофе, на всех стаканчиках появилась обязательная надпись: «Осторожно, напиток горячий»
Википедия

Пятёрка в подъезде.

В тот вечер Игорь как обычно возвращался с вахты — из промзоны за городом, где он третий месяц подрабатывал охранником. Автобус трясло на выбоинах, за окном мелькали серые девятиэтажки, тусклые фонари и редкие вывески: «Продукты 24», «Ремонт обуви», «Приём металлолома». В кармане лежала смятая пятёрка — мелочь, но на пачку пельменей хватит, а это уже план на ужин.

Лифт опять не работал — табличка «На профилактике» висела криво, будто её кто-то дёргал. Игорь привычно пошёл по лестнице, считая пролёты. На четвертом этаже пахло жареной капустой и чем-то затхлым — этот запах он знал наизусть: так пахнет старость и сырость в старых панельных домах.

Ключ вошёл в скважину с привычным скрежетом. Дверь открылась, и в нос ударил запах квартиры — смесь пыли, старого дерева и чего-то ещё, едва уловимого, чужого. Игорь замер на пороге.

На тумбочке в прихожей лежала точно такая же мятая пятёрка, как та, что была у него в кармане.

Он вынул руку из кармана — купюра была на месте. Две одинаковые пятёрки. Одна — его, другая — здесь.

Игорь медленно закрыл дверь, щёлкнул замком. Постоял, прислушиваясь. Тишина, только где-то в стене гудела труба отопления — вечная песня панелек.

Он подошёл к купюре, не решаясь взять. На ней были те же потёртости, тот же залом в углу. Будто её доставали из того же кармана, что и его.

И тут он заметил записку. Обычная тетрадная бумага в клетку, вырванная по линейке, почерк — корявый, будто писали в спешке или дрожащей рукой:

«Не ищи. Не спрашивай. И не трогай деньги».

Под запиской лежал ещё один предмет — автобусный билет. Тот самый, который он купил сегодня вечером. На нём чётко виднелись дата, время и номер маршрута. Только вот билет был не у Игоря в кармане. Он был здесь.

Холод пополз по спине. Игорь точно помнил, как сунул билет в куртку и больше не доставал.

Он вышел на лестничную клетку, постучал к соседке, бабе Нюре. Та открыла в халате, с бигуди, посмотрела строго:— Чего надо? Опять шум?— У меня в квартире кто-то был, — выдохнул Игорь. Баба Нюра хмыкнула, скрестила руки на груди:— Да кто там будет? У нас тут не курорт. Может, сам положил и забыл? Ты вон какой уставший, глаза красные. А может, это домовый балуется. Или долг кому не отдал.

Она хотела закрыть дверь, но Игорь успел вставить ногу:— Там билет мой. Я его не приносил. Соседка прищурилась, потом вздохнула:— Ладно. Пойдём посмотрим.

Они вошли в квартиру. Пятёрка и билет лежали на том же месте. Баба Нюра наклонилась, потрогала купюру, потом подняла глаза на Игоря:— Ты это не трогай. Я тут двадцать лет живу, всякое видала. В этом доме вещи сами ходят. Особенно деньги. Кто-то их зовёт, кто-то возвращает. Но лучше не лезть.

— Кто зовёт? — прошептал Игорь.— Да никто. Просто дом такой. Тут раньше общага была, потом расселили, а привычки остались. Вещи помнят людей.

Она развернулась и пошла к выходу, бросив через плечо:— И дверь закрой плотнее. А то сквозняк всё разносит.

Когда баба Нюра ушла, Игорь остался стоять посреди прихожей. Он хотел взять билет и выбросить, но рука не поднялась. Вместо этого он достал из кармана свою пятёрку и положил рядом с той, чужой. Две одинаковые купюры лежали рядом, как близнецы.

В этот момент в комнате что-то щёлкнуло — будто сработал старый холодильник, хотя у Игоря его не было.

Из темноты коридора донёсся тихий, едва слышный голос — не женский, не мужской, а какой-то безликий, будто из радиоприёмника, который ловит сразу несколько станций:— Спасибо, что вернулся.

Игорь резко обернулся, но в коридоре никого не было. Только тень от вешалки падала на стену, странно изгибаясь, будто у неё были руки.

Он схватил куртку, выскочил из квартиры, сбежал по лестнице, не глядя под ноги. На улице было холодно, ветер гнал по асфальту обрывки газет и пластиковые пакеты. Где-то вдалеке выла сирена — обычная городская ночь.

У подъезда он остановился, тяжело дыша. В кармане снова была только одна пятёрка.

На следующий день Игорь не пошёл на смену. Он сидел на кухне, пил остывший чай из гранёного стакана и смотрел в окно на двор, где мальчишки гоняли мяч между припаркованными машинами, а у подъезда старушки обсуждали новости. Всё было как всегда.

Но вечером, когда стемнело, в дверь позвонили.

Игорь замер, не решаясь подойти. Звонок прозвучал ещё раз — настойчиво, требовательно.

Он медленно подошёл, заглянул в глазок. На лестничной клетке никого не было. Только на полу, прямо перед дверью, лежала ещё одна мятая пятёрка.

**За безопасность необходимо платить, а за отсутствие -
расплачиваться.
Уинстон Черчилль**

Видеокассета без номера

1997 год. В маленьком городке, где по вечерам гаснут фонари, а в подъездах пахнет сыростью и дешёвым табаком, у Димы появилась странная кассета. Не с «Терминатором» и не с «Эммануэль», как у всех пацанов во дворе, а чистая, без наклейки, будто её специально лишили имени, чтобы никто не догадался, что на ней.

Дима работал в ларьке у дяди Славы — продавал жвачки, шоколадки и кассеты с фильмами. Ларёк стоял на краю рынка, где по утрам кричали торговки, а по вечерам шныряли сомнительные типы в спортивных костюмах. Кассету ему сунул какой-то незнакомец: бледный, в длинном пальто не по погоде, с глазами, будто он не спал неделю.

— Держи, — хрипло сказал он. — Никому не показывай. И не смотри один.

И ушёл, растворившись в сумерках, будто его и не было.

Дима, конечно, не послушал. Как можно не посмотреть, если тебе говорят «не смотри»? Вечером, когда мать уснула под бормотание старого телевизора, он вставил кассету в видак «Электроника ВМ12». Экран рявкнул снегом, потом на секунду мелькнуло что-то тёмное, бесформенное, и пошла картинка: обычная лестница в типовой девятиэтажке. Та самая, что у Димы за окном. Только выглядела она иначе: стены будто пульсировали, как живая плоть, а тени на ступенях шевелились, словно искали, за кого бы уцепиться.

На записи не было звука, но Дима вдруг начал слышать его внутри головы — низкий гул, похожий на стон трансформатора, только ближе, интимнее, будто звук жил прямо в его костях. Потом камера медленно поднялась вверх, туда, где на этаже выше всегда была запертая дверь с табличкой «Не входить. Техпомещение». На кассете дверь была приоткрыта, и из щели сочилась густая, маслянистая тьма.

А потом в кадре появился человек. Дима не сразу понял, что это он сам. Тот же свитер с вытянутыми локтями, та же причёска, которую мать называла «как у панка», только глаза у того Димы были пустые, без зрачков, и он шептал что-то, наклоняясь к камере. Дима подался назад, будто от удара, и в этот момент на экране вспыхнула надпись: «Ты уже видел это».

Кассета щёлкнула и остановилась.

Наутро Дима пошёл к Сергею, старшему брату своего друга, который служил в милиции. Сергей сидел в тесном кабинете, пропахшем пылью и крепким чаем, и смотрел на кассету так, будто это была бомба.

— Где взял? — спросил он, не поднимая глаз.

— Мужик какой-то дал. В пальто. Станный.

Сергей хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— У нас тут уже третья такая, — тихо сказал он. — В разных концах города. И у всех одно и то же: лестница, дверь, и этот парень на записи. Только каждый видит там себя.

— И что это?

— Никто не знает. Те, кто смотрел, начинают слышать шум в стенах. Потом перестают спать. А потом пропадают. Как будто город их съедает.

Дима похолодел. Он вспомнил гул, который слышал ночью, и то, как стены в его комнате будто стали ближе.

— Надо её уничтожить, — сказал Сергей. — Но не здесь. Есть одно место. Старая котельная за рынком. Там печь такая, что даже металл плавит.

Они шли через город, и казалось, что за каждым углом кто-то следит. Ветер гнал по асфальту обрывки газет с заголовками про дефолт, бандитов и бесконечные реформы. На перекрёстке старушка в пуховом платке посмотрела на Диму и перекрестилась, будто увидела мертвеца.

Котельная была заброшена: ржавые трубы свисали, как мёртвые змеи, а в центре стояла огромная печь с распахнутой пастью. Сергей бросил кассету внутрь, и пламя вспыхнуло неестественно ярко, на секунду окрасив всё вокруг в багровый цвет. Дима зажмурился, а когда открыл глаза, на полу лежал обгоревший кусок пластика — и ничего больше.

Но гул не пропал. Он стал тише, но теперь Дима слышал его всегда: в шуме дождя, в скрипе лифта, в тишине перед рассветом. И иногда, когда он проходил мимо той самой двери на верхнем этаже, ему казалось, что из щели снова сочится тьма, и она шепчет его имя.

Однажды ночью он проснулся от стука. Не в дверь — изнутри стены. И в этот раз он не пошёл проверять. Он просто сидел на кровати, сжимал кулаки и повторял про себя: «Это не со мной. Это не со мной». Но где-то в глубине души он знал: город уже выбрал его. И теперь он — часть этого шума.

Панелька на краю света.

Город не имел названия. Просто очередной областной центр, где в девяностые всё будто застыло между «ещё держится» и «уже развалилось». На окраине тянулись ряды панельных девятиэтажек, будто серые зубы, шербатые от выбитых окон и облезлой краски. Между домами висел туман, густой и липкий, как дешёвый клей, и в нём то и дело пропадали тени — то ли кошки, то ли что-то похуже.

Андрей вернулся из армии не героем, а просто уставшим парнем в поношенной форме. Дома ждала мать, молчаливая и осунувшаяся, и квартира, где пахло сыростью, старой мебелью и чем-то ещё — странным, металлическим, будто где-то рядом ржавела сама тишина.

В первую же ночь он проснулся от стука. Не в дверь — изнутри стены. Будто кто-то скребся с той стороны бетона. Андрей подошёл, приложил ухо к холодной поверхности: внутри что-то шевелилось, перекатывалось, будто мешок с пустыми консервными банками. Он вспомнил, как пацаны во дворе шептались про «шуршащих в стенах», про то, что в некоторых квартирах слышно, как дом дышит. Тогда он смеялся. Теперь смеяться не хотелось.

На кухне мать молча наливала кипяток в гранёный стакан, прикрытый блюдцем — фирменный ритуал девяностых: чтобы чай «настоялся». Она не смотрела на сына, будто боялась, что, встретившись взглядом, придётся сказать что-то страшное.

— Мам, ты слышишь? — спросил Андрей. — В стене

— Слышу, — коротко ответила она. — С тех пор, как твой отец ушёл, стало слышно. Сначала тихо, потом громче.

Отец ушёл два года назад — просто не вернулся с ночной смены на заводе. Говорили, что запил, что уехал, что пропал. Но в подъезде шептались иначе: будто он «пошёл на голос», который слышали только те, кто долго жил в этой панельке.

Андрей решил сходить к дяде Коле, соседу снизу, который знал про дом всё. Дядя Коля сидел на табуретке у открытой форточки, курил «Приму» и смотрел на двор, где ржавые качели скрипели сами по себе, даже когда на них никого не было.

— Дом этот строили в спешке, — хрипло сказал дядя Коля, выпуская дым. — Говорят, в фундаменте что-то не то. То ли трубу прорвало, то ли не знаю. Но с тех пор тут всё не как у людей. Слышишь, как ветер поёт? Это не ветер. Это дом поёт. И он не колыбельные поёт.

Андрей не поверил до конца, пока не увидел сам. На следующий день он зашёл в подвал — тёмное, сырое царство труб, паутины и капающей воды. Там, среди ржавых коммуникаций, на бетонном полу были выцарапаны странные символы. Не граффити, не ругательства — линии, сплетавшиеся в узоры, от которых у Андрея заныли виски. Он узнал почерк отца: тот в детстве любил рисовать такие завитки на полях тетрадей.

Когда он вернулся наверх, в квартире было тихо. Слишком тихо. Даже холодильник «Минск» не гудел. Мать сидела на диване, уставившись в одну точку, и шептала что-то на незнакомом языке — слова, которые звучали как скрежет металла по стеклу.

— Мама! — крикнул Андрей, тряся её за плечи.

Она медленно подняла глаза. В них не было узнавания. Только пустота, глубокая и холодная, как колодец в заброшенном дворе.

— Он зовёт, — прошептала она. — Дом зовёт. И мы должны идти.

Андрей выбежал на лестничную клетку, но двери всех квартир были распахнуты настежь, а коридоры тянулись бесконечно, поворачивая не туда, куда должны были. Панели, казалось, дышали, втягивая воздух и выталкивая его обратно с тихим стоном. Где-то вдалеке слышался знакомый скрежет — будто кто-то царапал бетон изнутри.

Он бежал, спотыкаясь о разбросанные детские сандалии и старые газеты с заголовками про дефолт и криминал, пока не оказался у выхода. Но вместо двора перед ним была сплошная

серая стена, без окон, без дверей, без единого шва — будто весь мир сжался до одной бетонной плиты.

И тогда он услышал голос. Не мамин, не дяди-Колин, не отцовский. Голос, который звучал сразу отовсюду и ниоткуда, низкий и вибрирующий, как гул трансформатора.

«Ты тоже теперь часть дома», — прошептал голос.

Андрей закрыл глаза, пытаясь удержать реальность, но когда открыл их снова, он стоял посреди своей комнаты. Мать сидела на прежнем месте, спокойно пила чай из гранёного стакана и улыбалась — странно, слишком широко, будто её лицо было сшито из чужой кожи.

— Садись, сынок, — сказала она. — Чай остынет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.